

А. В. Варенов¹, М. А. Кудинова²

¹Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет

²Пекин, Китай

Пекинский университет

**Сибирские персонажи тюркского времени в трехрогих головных
уборах и петроглифы памятника Уцзячуань
в пров. Ганьсу (КНР)**

Памятник Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзинъюань пров. Ганьсу (КНР) обнаружен в 1976 г. Изображения в технике выбивки нанесены на естественную поверхность невысокого останца красного песчаника, возвышающегося над лессовым холмом. Размер памятника невелик: две плоскости с рисунками и одиночное зооморфное изображение на отколоте фрагменте скалы [Чжан Баоси, 1983. С. 46–47]. Восточная плоскость больше по площади. Здесь присутствуют изображения оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи. Западная плоскость меньше. Помимо оленей и козлов, выбиты, по меньшей мере, восемь всадников, а также несколько антропоморфных фигур. На западной плоскости один стоящий (или сидящий) человек и шесть всадников показаны в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Наиболее четко выбитый и выглядящий свежее остальных (возможно, за счет подновления рисунка) всадник, расположенный в центральной части плоскости, «скачет» в левую сторону. Три других всадника выбиты правее него, в правом верхнем углу западной плоскости, и тоже «скачут» влево. Пятый всадник в трехрогом головном уборе, тоже едущий влево, находится в левой части западной плоскости, ниже выглядящего очень свежо антропоморфного персонажа с большой круглой головой, которого китайские археологи считают солярным божеством. Изображение пятого всадника сохранилось плохо, особенно задняя часть фигуры его коня, но на старой фотографии 1983 г. он виден вполне отчетливо. Шестой всадник в трехрогом головном уборе расположен правее пятого, в самом низу западной плоскости, ниже фигурки горного козла. Современная сохранность изображения также оставляет желать лучшего, но на протирке 1983 г. шея и голова коня и верхняя часть туловища его седока четко различимы. Фигура стоящего человека в трехрогом головном уборе находится в нижней части левой оконечности западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового «солярного» персонажа [Варенов, Кудинова, Соловьев, 2019. С. 348, рис. 3]. На опубликованной Чжан Баоси протирке 1983 г. она осталась за границей кадра.

Впрочем, эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него – сложенными на

груди или на животе «настоящими» руками и подогнутыми ногами. Такая трактовка находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована так называемая «сцена коленопреклонения» [Гаврилова, 1965. С. 19–20]. Показана фигура сидящей женщины в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе. Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита на поверхности древнетюркского изваяния № 2 из Когалы в Чу-Илийском междуречье [Рогожинский, 2010. С. 339–342]. Аналогичный рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии [Кызласов, 1998. С. 40–44]. Обзор раннесредневековых персонажей в трехрогих головных уборах на территории Южной Сибири и Центральной Азии предпринял Ю.С. Худяков. Рассмотрев выдвигавшиеся ранее версии, что так выглядели древнетюркские божества Тенгри и Умай или шаманы в своем ритуальном облачении, он все же пришел к выводу, что «трехрогие» изображения передавали «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» [Худяков, 2010. С. 101]. В 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае открыты раннесредневековые гравированные изображения. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с копьем в руках и в трехрогом головном уборе [Константинов, Урбушев, 2018. С. 271–272]. Гравировка из урочища Дялбак свидетельствует, что трехрогий головной убор всадника может не обязательно оказаться парадным или ритуальным, а являться вариантом конического боевого шлема с рогами.

П.П. Азбелев, тщательно рассмотревший и проанализировавший время и обстоятельства создания кудыргинского валуна с гравировками, «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов [Азбелев, 2010. С. 48–49]. Не вдаваясь в обсуждение предложенной петербургским исследователем трактовки сцены на валуне из Кудыргэ, которая находит и совсем иные объяснения, можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и в правой частях западной плоскости, спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в трехрогом головном уборе. Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней. Исходя из ориентации по странам света самой скалы с рисунками, верховые паломники в трехрогих головных уборах едут, как и новозаветные волхвы, с востока на запад. Две тройки едущих на поклонение кавалеристов могут оказаться не строго синхронными. Напротив, судя

по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть моложе левой.

Благодарности

Поездка авторов в КНР и написание данной работы осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Список литературы

Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. – СПб, 2010. 60 с.

Варенов А.В., Кудинова М.А., Соловьев А.И. Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзиньюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2019. С. 345–352. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., 1965. 144 с.

Константинов Н.А., Урбушев А.У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А.Тишкин. – Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 270–272.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 39–53.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы, 2010. С. 329–344.

Худяков Ю.С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства кочевников Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов / под ред В.И.Соёнова – Горно-Алтайск, 2010. – № 3 (15). С. 93–103.

Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзиньюань сянь Уцзячуань фасянь яньхуа [张宝玺。甘肃省靖远县吴家川发现岩画] Петроглифы, обнаруженные в Уцзячуань, уезда Цзиньюань пров. Ганьсу // Вэньу. 1983. № 2. С. 46–47. (на кит. яз.).